

— Подумать только, двадцать четыре года пролетели как один миг, — со вздохом произнес Фу Вэй. — Эх, к чему я вообще вспоминаю эти дела минувших дней.

Ван Чжэнь поднял глаза на своего учителя.

События того времени, когда ему было пять лет, он, разумеется, прекрасно помнил — в конце концов, его феноменальная память славилась на всю страну. Однако хотя тогда его и величали знаменитым вундеркиндом, со стороны его поступки выглядели, мягко говоря, выходящими за рамки приличий. Ван Чжэнь вообще не любил вспоминать свое прошлое — к примеру, как после поступления в ученики к Фу Вэю он однажды за день написал тысячу крупных иероглифов и от усталости выбился из сил, заснув прямо за столом. А проснувшись, обнаружил, что вся его физиономия вымазана в чернилах. Полная утеря благородного достоинства!

Желая проявить заботу, Ван Чжэнь мягко напомнил:

— Младший ученик скоро вернется.

Фу Вэй осекся. Помолчав мгновение, он посмотрел на Ван Чжэня и с глубокой тревогой, крайне серьезным тоном произнес:

— Несколько дней назад Цзинцзэ подарил мне картину. Она написана невероятно живо, но увиденное внушает мне глубокие опасения. Цзыфэн... что же на самом деле задумал твой младший ученик?

Ван Чжэнь опешил. Словно догадавшись о чем-то, он спросил:

— Что за картина?

Фу Вэй недолго помолчал и ответил:

— Обычная живопись «цветы и птицы». На ней изображено пение сотни птиц среди пышного цветущего сада. В небе над птицами парит феникс, а среди цветов гордо возвышается пион. Работа мастерская, принадлежит кисти Линь Цзюдэ, живописного безумца из земель Шу. Я не видел его лет десять, и его мастерство стало еще совершеннее.

Ван Чжэнь сдвинул брови.

Фу Вэй понял, что ученик уже догадался о его мысли:

— Свиток «Сотня птиц и пышное цветение» — сюжет довольно обычный, однако в правление прежнего императора появилась точно такая же картина... Тогда ее написал бывший наследный принц, — Фу Вэй с грустью вздохнул. — В те годы я слушал службу в качестве его учителя живописи и каллиграфии, давал ему наставления, так что между нами существовали узники связи учителя и ученика.

Все эти годы Фу Вэй жил скромно, копя силы, не вступал в усобицы и не выпячивал свои таланты.

Но более десяти лет назад он занимал пост Правого канцлера и был всемогущим сановником при дворе.

Мысли Тан Шэня другой человек мог бы и не разгадать, но Фу Вэй всё прекрасно понял. Он

тяжко вздохнул:

— Я-то грешным делом думал, что он не станет ничего предпринимать ради Лян Бовэня, или что за столько лет это потеряло всякий смысл. Но кто бы мог помыслить, что он помнит об этом до сих пор! До чего же глуп и неразумен! — Ругаясь на словах, Фу Вэй, тем не менее, поглаживал бороду с явным одобрением в глазах. — Впрочем, эти действия твоего младшего соученика таят в себе смертельную опасность. Ты знаешь, чего он добивается? Неужели вознамерился добиться пересмотра дела старика Чжун Тайшэна?

— Не знаю.

Фу Вэй остолбенел и лишь спустя долгое время изумленно воскликнул:

— Ты не знаешь?!

Ван Чжэнь посмотрел на него и вопросом на вопрос ответил:

— С чего учитель решил, будто я непременно должен знать, что задумывает и что делает младший ученик?

Фу Вэй поднялся, сделал несколько шагов и, обернувшись, все равно не поверил:

— Как ты можешь не знать?

Чтобы ты, Ван Цзыфэн, да не знал?

С твоей-то мелочной мелочностью, неужели ты бы позволил младшему ученику делать что-то за твоей спиной?

Ван Чжэнь поднял кубок с вином и осушил его до дна. Должно быть, от хмеля он утратил привычную сдержанность, зато в нем проступила острая, яркая дерзость, которая, смешиваясь с винными парами, заставляла его сиять, словно чистый лик луны. Он без малейшего стеснения искренне рассмеялся:

— И зачем мне это знать?

— А? — растерялся Фу Вэй.

— Мне достаточно знать одно: что бы он ни задумал, я уберегу его, сглажу любые препятствия на его пути и развею все его тревоги за спиной. Разве этого недостаточно?

Фу Вэй застыл на месте, а затем тяжело опустился обратно на скамью:

— Так ты и впрямь питаешь к своему младшему ученику подобные чувства!

Ван Чжэнь тихо улыбнулся.

Спросив его сегодня о той картине, Фу Вэй не просто интересовался планами Тан Шэня, но и испытывал его отношение к младшему соученику. Разве мог Ван Чжэнь этого не понять? Так почему бы не поступить по ситуации и...

В конце концов, какая разница, если он признается!

Спустя долгое время Ван Чжэнь с искренним вздохом произнес:

— Сегодня я и вправду перебрал!

Когда Тан Шэнь вернулся с поисков книги, Фу Вэй, не увидав ни фолианта, ни Мальчика-чтеца, спросил:

— Неужели этот сорванец снова убежал куда-то бездельничать?

Тан Шэнь с улыбкой вступился за юношу:

— Учитель не угадал. Мы искали очень долго, но так ничего и не нашли. Тогда Вэньшу позвал Мальчика-цитриста, и только тогда мы узнали, что книга давным-давно лежит не в кабинете. Несколько дней назад, любуясь цветами, учитель оставил ее в саду. Так что Вэньшу и Фуцинъ пошли за ней в сад, а я вернулся раньше.

Вскоро Мальчик-чтец и Мальчик-цитрист действительно вернулись, держа в руках нужный том.

Фу Вэй раскрыл поэтический сборник, придирчиво разобрал пару стихов вместе со своими учениками, а затем указал пальцем на Ван Чжэня и обратился к Тан Шэню:

— Твой старший соученик только что заявил, что пьян.

Ван Чжэнь держивал в руке кубок и продолжал осушать чашу за чашей, словно и не слыша слов Фу Вэя.

— Старший брат пьян? — переспросил Тан Шэнь.

Ван Чжэнь взглянул на него и кротко улыбнулся.

Фу Вэй взмахнул рукавом:

— Ладно, ладно, на сегодня достаточно. Отведи своего старшего брата к экипажу и доставь домой. Не хватало еще, чтобы на следующее утро весь город Шэнцзин гудел о том, как Министр финансов свалился пьяным прямо на мостовой! Я староват для такого позора!

Тан Шэнь тут же шагнул вперед, взял Ван Чжэня под локоть и вывел его из Поместья Фу.

Ван Чжэнь, похоже, и впрямь был сильно хмелен: едва сев в экипаж, он прикрыл глаза, голова его слегка склонилась, и вскоре он прислонился к плечу Тан Шэня. Тело Тан Шэня на мгновение одеревенело, но затем он отдернул полог и бросил кучеру:

— Сначала в Резиденцию министра.

Всю дорогу Ван Чжэнь спал, не размыкая глаз, а Тан Шэнь боязливо не смел даже шелохнуться, опасаясь его потревожить. Когда они подъехали к Резиденции министра, управляющий уже давно поджидал у ворот.

— Старший брат, кажется, пьян, поэтому я привез его домой, — объяснил Тан Шэнь.

Управляющий обомлел и в глубоком изумлении посмотрел сначала на Ван Чжэня, покоящегося на плече Тан Шэня, а затем на самого Тан Шэня. Плавнo поклонившись, он произнес:

— Благодарю за заботу, господин Тан.

Управляющий быстро приказал слугам осторожно увести Ван Чжэня в дом, и только после этого Тан Шэнь поднялся обратно в экипаж, чтобы отправиться к себе.

Однако он и помыслить не мог, что стоит воротам Резиденции министра затвориться у него за спиной, как «пьяный до беспамятства» Ван Цзыфэн внезапно открывает глаза и выпрямится во весь рост.

Увидев это, управляющий лишь мысленно вздохнул: так он и знал.

Он прихаживал за Ван Чжэнем более десяти лет и последовал за ним в Шэнцзин с первого же дня. На его памяти Ван Чжэнь не пьянел никогда: во-первых, он отлично держал хмель, а во-вторых, в силу своей осторожности и характера терпеть не мог передавать контроль над ситуацией в чужие руки. Превратиться в беспомощного пьяницу Ван Чжэнь не позволил бы себе ни за что на свете.

Ван Чжэнь протянул руку и извлек из-за пазухи тонкую нотную рукопись для цитры. Эту вещь Тан Шэнь тайком сунул ему за пазуху в экипаже, пока тот притворялся спящим. Должно быть, это и был подарок на его двадцатидевятилетие.

Рукопись являлась древним списком времен прежней династии и стоила целое состояние. Ван Чжэнь долго и пристально смотрел на раритет, а затем печально вздохнул.

— Приготовь отвар от похмелья, — повелел он.

Управляющий удивился:

— Господин пьян? — Но ведь на вид тот казался абсолютно трезвым: взгляд ясный, шаги твердые.

Ван Чжэнь покачал головой и тихо, тепло усмехнулся:

— Не вино пьянит человека — человек пьянеет сам!

Тем временем Тан Шэнь вернулся в собственную усадьбу, где его с зажженным светильником дожидался мальчик-слуга Фэнби. Поскольку на следующий день предстоял ранний утренний прием при дворе, Тан Шэнь всегда ложился спать до часа Собаки. Уловив исходящий от господина винный запах, Фэнби заботливо спросил:

— Господин, принести вам отвар от похмелья?

— ...Угу.

Вскоре Фэнби принес целебный отвар, который заранее приготовила Тётушка Яо, и поставил пиалу на стол в кабинете. Тан Шэнь держал в правой руке книгу и неподвижно смотрел в нее. Однако прошло много времени, а он так и не перевернул ни единой страницы. Наконец Фэнби напомнил:

— Господин, отвар остынет.

Тан Шэнь словно очнулся от наваждения, тихо откликнулся: «Угу» — и протянул руку за пиалой.

— Господин, это же подставка для кистей, вы перепутали! — испуганно воскликнул Фэнби.

Слова слуги прозвучали как ушат холодной воды. Тан Шэнь резко пришел в себя, пальцы его дрогнули, и фарфоровая подставка для кистей рухнула на пол, разлетевшись на мелкие осколки. Фэнби бросился подбирать черепки. Тан Шэнь приоткрыл рот, но спустя мгновение лишь произнес:

— Выйди пока.

Слуга в полном замешательстве собрал черепки и покинул кабинет.

Тан Шэнь отложил книгу, в которую смотрел добрых полчаса, так и не усвоив ни единого слова. Его пальцы судорожно сжались, а затем с силой расправились. Он сделал глубокий вдох.

Ему и в голову никогда не приходило...

Что старший братик питает к нему подобные чувства!

Нет, точнее сказать, месяц назад, в ту ночь в Резиденции министра, когда Ван Цзыфэн поцеловал его в глаза через тыльную сторону ладони... До той самой ночи он ни разу не допускал подобной мысли и не смел даже помыслить о таком. А после той ночи он уже смутно обо всем догадался, потому и бежал от него, потому и избегал встреч с Ван Чжэнем. Он обманывал самого себя, внушая себе, будто ему просто померещилось, ведь разве такое возможно?

Но все то, что он услышал сегодня в Поместье Фу, не оставляло ему ни единого шанса обманываться дальше.

<http://bllate.org/book/18292/1757445>